

УДК 811.161.1'373

Е. А. Филатова

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

СРАВНЕНИЕ КАК ОТЛИЧИТЕЛЬНАЯ ЧЕРТА ИДИОСТИЛЯ В. ТОКАРЕВОЙ

Присвячено вивченню порівняння як особливого засобу створення образності у творчості В. Токаревої. Розглянуто структурні, семантичні та стилістичні особливості порівнянь у художньому дискурсі.

Ключові слова: порівняння, ідіостиль, структура порівняння, засоби вираження порівняння, семантичне поле.

Посвящена изучению сравнения как особого образного средства в творчестве В. Токаревой. Рассмотрены структурные, семантические и стилистические особенности сравнений в художественном дискурсе.

Ключевые слова: сравнение, идиостиль, структура сравнения, способы выражения сравнений, семантическое поле.

The article is devoted to the investigation of a simile as a specific stylistic device in creating imaginary in V. Tokareva's artistic works. The main structural, semantic and stylistic peculiarities of literary discourse are outlined in the present work.

Keywords: simile, author's style, structure of similes, ways of expressing similes, semantic field.

В современной научной сфере сравнение является одним из актуальных объектов исследования не только литературоведов, но и лингвистов. Это объясняется многоплановой природой данного понятия. Сравнение в философии, психологии и логике – это основной метод познания действительности, форма образного мышления, а также сопоставление объектов с целью выявления черт сходства или черт различия между ними [27, с. 538]. В то же время сравнение является одним из наиболее употребительных средств образной, эмоционально-экспрессивной и выразительной речи. В основе сравнения лежит принцип сопоставления изображаемого предмета или явления с другим предметом по общему им обоим признаку, так называемому *tertium comparationis*, т. е. третьему элементу сравнения [1, с. 135].

Ряд научно-исследовательских статей обращен к роли и функции сравнений в языке отдельного писателя или поэта, а также их интерпретации в художественном дискурсе (см., например: [4; 14; 16]). Интересными представляются работы теоретического плана, направленные на изучение структуры и семантики сравнений. Так, серия исследований посвящена классификации синтаксических конструкций со сравнительными союзами в современном русском языке [13; 25; 28], а также лексико-грамматическим особенностям компаративных единиц и способам их выражения в тексте [7; 17; 26]. В структуре построения сравнения ряд исследователей, в частности А. И. Ефимов [5], Б. В. Томашевский [23], Е. М. Ушакова [26], выделяют 3 основных элемента:

- предмет (то, что сравнивается);
- образ (то, с чем сравнивается);
- признак (то, на основании чего сравнивается).

Соответственно все сравнения могут быть трехкомпонентными (предмет – признак – образ) и двухкомпонентными (предмет – образ; признак – образ). В полных сравнениях предмет и образ сопоставляются на основе общего признака

и поэтому отличаются относительной четкостью проявления мысли автора. Двухкомпонентные сравнения, в которых признак выражен имплицитно, представляются более образными, однако требуют особого восприятия со стороны читателя и воссоздания необходимого компонента «в соответствии с принятыми в данном языковом коллективе эталонами, по окружающему контексту, в результате собственных ассоциаций» [17, с. 114]. Б. В. Томашевский делит неполные сравнения в зависимости от того, в какой степени развит тот или иной элемент сравнения, на три подтипа: а) предмет и образ сравнения кратки, лаконичны; б) предмет представляется в виде развитого положения, а образ дается кратко; в) предмет только указан, а образ сравнения очень развитый [23, с. 208].

По мнению Е. М. Ушаковой, функционирование сравнения как образного речевого средства становится возможным лишь в том случае, если сравниваемые предметы и явления будут неоднородными понятиями. Такая разнохарактерность создает «тот эффект в речи, когда сравнение помогает появлению зримого, слышимого, осязаемого образа» [26, с. 12]. Эстетическая функция сравнения заключается в том, что оно, сохраняя свою первоначальную понятийность, расширяет смысловой диапазон определяемого слова за счет прибавления экспрессивных и эмоционально-оценочных значений [26, с. 14].

Одним из представителей современной русской «женской прозы» 2-й половины XX – начала XXI века является В. Токарева. Творческий путь автора начался в конце 50-х годов XX века и насчитывает около сотни рассказов, повестей, пьес и сценариев, которые уже стали объектами исследования как литературоведов, так и лингвистов. В лингвистических работах акцентируется внимание на синтаксических, морфологических и семантико-стилистических средствах организации текста [3; 12; 22; 29]. Ряд исследований посвящен изучению афористичности [6; 8; 9; 24], языковой компрессии [10], метаязыкового комментирования [2], парцелляции [6] и категории времени [11] как особых характеристик художественного стиля автора.

Однако не все языковые аспекты прозы В. Токаревой были детально изучены. Так, остается открытым вопрос об использовании и функционировании **сравнений** в образной системе ее произведений. Следовательно, цель настоящей работы – исследование сравнения как отличительной черты идиостиля автора. Объектом данной статьи послужили сравнения в сборнике рассказов В. Токаревой «О любви», а именно в трех ее произведениях: «*Хэппи энд*», «*Можно и нельзя*», «*Из жизни миллионеров*». Выбор произведений обусловлен, прежде всего, высокой частотностью употребления сравнений, а также общностью тематики и проблематики (тема любви, счастья, развития гармоничных отношений между мужчиной и женщиной, самоидентификации женщины в современном мире и т. д.). В связи с этим были сформулированы конкретные задачи: 1) проанализировать своеобразие сравнений в структурном аспекте, выявляя наиболее распространенные конструкции; 2) установить диапазон тематики «образа» сравнений; 3) определить функционально-стилистические особенности данного образного средства в творчестве автора.

При анализе языкового материала, состоящего из более 200 сравнений, были рассмотрены синтаксические особенности сравнительных конструкций. За основу их характеристики взята классификация А. И. Ефимова, которая, по нашему мнению, наиболее соответствует структурному своеобразию сравнений в произведениях В. Токаревой [5, с. 492]. Было установлено, что самыми употребляемыми конструкциями являются **сравнительные обороты**, присоединяемые с помощью союзов **как, как будто и будто**, например: *Эля съедала четыре штуки, желудок растягивался до того, что болела диафрагма, и вся она казалась себе пере-*

полненной, неповоротливой, **как беременная бегемотиха** [22, с. 126]; *Ненависть к режиссеру охватила Марусю, как пожар* [21, с. 123]; *Видение было неотчетливое, как будто размыто водой* [22, с. 146]; *Постучал в дверь, а потом вошел директор школы Николай Анисимович – смешной мужик, некрасивый, как будто сделанный из собаки* [22, с. 129]; *Деревня – под снегом пустая, будто вымершая* [21, с. 114]; *Все остальные артисты, которых Эля слышала в своей жизни, читали классику торжественно, будто на цыпочках, делая царственный голос, вибрируя голосом и бровями* [22, с. 129].

Значительно реже встречаются **сравнительные придаточные предложения, присоединяемые различными сравнительными союзами**: *Декольте низкое, видна стекающая вниз дорожка между грудями, губы горят, как будто она долго целовалась* [20, с. 72]; *Марусино сердце созрело для любви, и она принимала любовь, как весенняя земля принимает зерно* [21, с. 108]. Немногочисленную группу составляют **сравнительные обороты**, присоединяемые с помощью прилагательного **похожий** (*Изысканный хрупкий мальчик, похожий на жениха Дюймовочки – принца эльфов* [22, с. 138]), и сравнения, выраженные творительным падежом (*Ее ореховые волосы **стоят облаком** и **блестят от физического здоровья*** [20, с. 72]).

Анализ структурных особенностей сравнений показал, что в исследуемых произведениях В. Токаревой используются трех- и двухкомпонентные компаративные конструкции, в которых составные элементы (образ, признак, предмет сравнения) отличаются различной степенью распространенности. Например: *Мне бросилось в глаза платье, похожее на халат, совсем без пуговиц, шелковое, яркое, как хвост павлина* [20, с. 79]; *Но она все перебирала губами – розовыми и поблескивающими, как леденцы* [22, с. 131]. В данных сравнениях можно выделить предмет («платье», «губами»), образ («хвост павлина», «леденцы») и признак, по которому они сравниваются («яркое» (платье), «розовыми и поблескивающими» (губами)), причем в приведенных выше примерах предмет сравнения дается развернутым описанием, а образ – кратким.

Неполные сравнения, в которых отсутствует признак, в тексте чаще всего компенсируются развернутым образом: – *Скажу, – обещала Эля, и это «скажу», как веревка, брошенная утопающему* [22, с. 145]; *Зад, как телевизор «Рекорд»* [22, с. 133]. *Актеры как дети. А режиссеры как шлюхи-динамистки: поедят, выпьют, а на роль не приглашают* [21, с. 113]. По мнению Л. В. Разуваевой, такие неполные сравнения с имплицитно выраженным признаком наиболее ярко передают в тексте произведения творческое начало автора, так как базируются на индивидуальных ассоциациях. Однако их понимание читателем требует не только присутствия соответствующей пресуппозиции, но и «обуславливает факт сотворчества при постижении имплицитного признака сравнения» [18, с. 103].

Неполные сравнения, в структуре которых отсутствует предмет, как правило, тесно привязаны к контексту, потому что именно в нем скрыт недостающий компонент: – *Нечего гонять по свету, как сухой лист, – строго осадил Кислюк. – Человек должен жить, где родился* [22, с. 146]. Признак («гонять») в данном примере выражен безличной конструкцией, а образ краток. В эту группу также можно отнести и такие предложения, предмет которых, несмотря на то, что отсутствует в самой структуре сравнения, употребляется в препозиции: *Его [Ивана] вполне устраивал застойный период, в котором протекали его безоблачное детство и столь же безоблачная юность. Он сформировался тогда. Застыл, как гипс* [22, с. 142].

Далее в данной работе мы попытались исследовать «образ» сравнения и рассмотреть его связь с мировоззрением автора. Анализ языкового материала по-

зволити розділити всі порівняння на 5 семантичних полів, в склад яких входять компаративні одиниці, об'єднані навколо загальної гіперсеми [1, с. 111]. Семантичне поле порівнянь, в основі якого закладено найменування представителів **животного світу**, – одне з найбільш численних в розповідях автора (34 одиниці). В домінуючому використанні анімалістических мотивів прослідковується деяка закономірність. Частотними образами порівнянь в досліджуваних творах є домашні тварини: *кішка/кіт, собака* (по 5 прикладів), *кінь* (4 приклади), *риба* (3 приклади), *індюк, кролик* і *кірава* (по 2 приклади). Очевидно, це пояснюється бажанням автора знайти риси подібності між людиною і твариною на основі особистих спостережень: *Верка була їй омерзительна, як кішка, укриваючи со стіла чужою кіскою* [22, с. 137]; *Вона всю життя гонялась за славою, як собака за своїм хвостом* [21, с. 125]. В. Токарева також використовує найменування диких тварин для створення більш точного і тонкого зображення зовнішності людини (*Рот від вуха до вуха, білі зуби, очі як у пантери* [20, с. 75]; *А у Анікеєвої зуби в два ряди, як у акули* [22, с. 144]), його дійсних (*В «ягуар» впорхнула Етіопія, як чорна бабочка* [20, с. 79]) або станів (*Вони жили тихо, як миші* [21, с. 120]).

В. Токарева, описуючи традицію приготування пирогів в сім'ї Елі, головної героїні розповіді «Хепі енд», зауважує: *Еля їла чотири штуки, шлунок розтягувався до того, що боліла діафрагма, і вона їй казалася собі переповненою, неповоротливою, як вагітна бегемотиха* [20, с. 126]. В даному контексті експліцитно виражений ознака порівняння, представлений двома прикметниками (*переповненою, неповоротливою*), порівнюється з реальним представленням про самку бегемота, яка відрізняється більшими розмірами. Одночасно прикметник *вагітна* несе додаткову семантичну навантаження і використовується автором для посилення ефекту неуклюжості жінки. В цілому ж створюється яскравий і живий образ, передає деякий відтінок комічності стану героїні.

Семантичне поле, включаючи найменування різних **явищ природи** в порівняннях аналізованих розповідей, представлено також широко (31 одиниця). Об'єктом порівняння є не тільки людина, але і абстрактні поняття, і порівнюються вони з конкретними предметами або поняттями. Реалізація моделі порівняння «ЧЕЛОВЕК – ПРИРОДА» знаходить особливе вираження в прозі В. Токаревої і розкриває позицію автора відносно тісної взаємозв'язку людини з оточуючим світом, його природним початком. В розкритих образах порівнянь кожен елемент несе певну смисловою навантаження і органічно вписується в образну структуру твору. В даному семантичному полі можна виділити декілька підгруп: погодні і атмосферні явища (*Іван існував в ній і навколо, як повітря* [22, с. 144]; *Морис пройшов стороною, як косою дощ* [20, с. 78]); рослини (*У неї сині очі з жовтою серединою, як квітка фіалки* [20, с. 77]; *...його обличчя змінювало колір. Воно стало сірим, як лист, пролежавший всю зиму під снігом* [22, с. 133]); власні назви географічних об'єктів (*Це була велика любов. (Гранде амур) Як Ніагара* [20, с. 76]).

Образно представляється порівняння молодості і краси героїні з димом, швидко зникаючим в димоході: *Еля знала Веркіну життя: нікого у Верки не було, молодість уходила, як дим в трубу* [22, с. 128]; *Це було нестерпно. Ординарна життя, без сліду. Молодість, краса уходять, як дим в трубу* [21, с. 117]. Представлення автора про швидкість життя і увядання краси в двох прикладах з різних розповідей знаходять вираження в порівнянні молодості і кра-

соты с дымом, который представляется в переносном значении как нечто призрачное и неясное, исчезающее быстро и бесследно в воздухе [19, т. 3, с. 1200]. В первом примере В. Токарева акцентирует внимание на жизни одинокой «Верки-разводушки», которая по меркам села в свои тридцать лет может ничего не ждать от будущего. Во втором примере в поле зрения автора попадает актриса Марианна, которая не пользуется славой и проживает ординарную жизнь в ожидании яркой и успешной роли. Молодость и привлекательность – одни из составляющих успеха в актерской сфере, поэтому их утрата расценивается как жизненная трагедия.

Предметы быта объединены нами в отдельное семантическое поле в исследуемых рассказах. Автор описывает героев, в частности, их внешность, через сопоставление с различными объектами: *Он ласкает черную, как телефонная трубка, эфиопку* [20, с.75]; *Эти ее лица – радостное, несчастное, внимательное – как зеркало, в которое он смотрелся и видел в нем себя, невероятно преображенного, прекрасного* [22, с. 140]), а также употребляет сравнения для более образной передачи особенностей их характеров: *Ковалев – цельный человек, сделан из единого куска, как гранитная плита. Он не умеет двоиться, троиться, входить в положение* [21, с. 110]; *Второй – сальный, вариантный, состоящий из множества комбинаций, как замусоленная колода карт* [22, с. 135]. В данных примерах образ сравнения, выраженный словосочетанием, соотносится с конкретным словом в характеристике предмета сравнения. Прилагательные *сальный* и *замусоленная* [колода карт] сопоставляются по общему для них внешнему признаку «грязный», «жирный» [19, т. 4, с. 595] и вместе дают негативную оценку персонажу, который представляется главной героине рассказа как некрасивый, неухоженный мужчина.

В. Токарева также использует сравнения для создания более четкого представления о действиях, выполняемых человеком: *Настя приезжала и копалась в русских писателях, как в сундуке, выбирая лучший товар* [20, с. 58]; *Иван тщательно копался в душах, как в испорченном моторе* [22, с. 143]. Следует отметить, что с конкретными предметами (сундук, мотор) глагол *копаться* соотносится в переносных значениях [19, т. 5, с. 1382]: в первом примере – в метонимическом (писатель → его произведения), а во втором – фразеологическом («копаться в душах» – излишне тщательно разбираться в чем-нибудь [15, с. 253]). Так, для Анестези писатели были товаром, который она искала, выбирая лучшие их произведения, а Иван, практикующий психоаналитик, очень кропотливо изучал проблемы своих пациентов. Отличительной чертой сравнений этой группы является стремление автора посредством эмоционально-нейтральных образов обыденных вещей помочь читателю понять сложные идеи, заложенные в тексте произведения. Иными словами, сравнение здесь выполняет функцию «посредника» между замыслом автора и восприятием реципиента.

Особого внимания заслуживает использование автором сравнений в образных высказываниях, раскрывающих вопрос о смысле жизни человека: *Но ведь, помимо любви, на свете существуют: страсть, желание, влюбленность. Именно они наполняют жизнь и расцветивают ее, как фейерверк в темном небе* [20, с. 71]; *Количество усилий однажды превращается в качество. Однажды происходит щелчок – и ты в новой жизни. Как выключатель на стене: щелчок – и свет горит* [21, с. 124]; *Так и ее жизнь, как неуправляемый самолет. Что-то с ней будет? Куда ее занесет?* [22, с. 149]. Осмысление «вечной» проблемы человека у В. Токаревой приобретает необычную словесную форму, которая отличается глубиной мысли и оригинальностью изложения. Жизнь для героинь исследуемых рассказов, с одной стороны, – это что-то яркое, выразительное, как фейер-

верк, а с другой – что-то непредсказуемое, непостоянное, такое, что кардинально меняет течение жизни и дает ей новое направление.

Действия героев часто сопоставляются с действиями, характерными для людей с определенными физическими изъянами, а также людей определенных профессий или рода занятий. Такие сравнения придают отдельным описаниям или всему тексту определенную эмоционально-экспрессивную окраску: *Морис с детским вниманием всматривался в наши лица, как глухонемой* [20, с. 70]; *Она стала похожа на провинциальную учительницу в очечках, с аккуратненьким вторым подбородком, которая учит детей строго по учебнику* [22, с. 140]. В основе модели сравнения «ЧЕЛОВЕК – ЧЕЛОВЕК» лежит принцип антропоцентризма, который раскрывается в прозе В. Токаревой через сопоставление человеческих качеств и характера на основе профессиональной деятельности.

Интересным представляется образ главной героини рассказа «Из жизни миллионеров»: *Настя хотела щелкать хлыстом, как укротительница львов, и чтобы все звери сидели на тумбах. Каждый на своей* [20, с. 83]. В данном сравнении Настя представляется укротительницей львов – дрессировщицей диких хищных животных [15, с. 721]. Перед читателем образ Насти-Анестези – «хозяйки жизни», где звери на тумбах – мужчины в ее жизни, которыми она хотела бы управлять. Однако у В. Токаревой образ «укротительницы» не соотносится с ролью героини в рассказе. Даже если мужчины «теряли голову и становились неуправляемы, и делали все, что она хотела» [20, с. 58], Настя не может отступить от своих принципов, предать мужа, оставить семью ради другого мужчины. В рассказе «Можно и нельзя» В. Токарева использует конструкции, похожие по смыслу, но немного отличающиеся по структуре: *У Маруси есть за что держаться в этой жизни: слава, деньги, дети, творческая работа. А что касается мужчин – энергетического тепла, – это сколько угодно. Сидят на тумбах, как тигры, и только ждут, когда она щелкнет бичом* [21, с. 125]. Тем не менее в этом произведении Маруся-Марианна, добившись успеха в актерской карьере, осталась одна – без мужа, любовника, и хотя у нее есть множество «тигров-поклонников», она в них не нуждается. В конце рассказа она находит душевный и духовный покой, уединившись в деревне.

Сравнение рутинных и обыденных действий в жизни героев с образами **военной тематики** играет особую роль в передаче динамики повествования и драматичности жизненных ситуаций. Например: *Эля положила его руку себе на плечо, повела из зала, как раненого бойца с поля битвы* [22, с. 135]; *Маруся просыпалась каждый час, как на вахте* [21, с. 111]; *Я после гастролей как с войны возвращаюсь* [22, с. 131]. Нередко автор употребляет слова военной тематики в исследуемых рассказах для создания у читателя остроты ощущений от прочитанного (*Она закричала так, будто ее уводили на смертную казнь. – Морис!* [20, с. 70]) или для описания решительности действий героев: (*Но когда при нас кто-то заплачет, мы не отвернемся, а кинемся на чужую боль, как на амбразуру* [20, с. 78]). В последнем примере передается положительная характеристика русского человека – способность к «СО-участию» и «СО-пониманию» чужих проблем, которая не воспринимается иностранцами как таковая и расценивается как проявление слабости и бестактности. Такие сравнения в силу своей выразительности точно передают замысел автора в описании художественного пространства и героев в нем: *В больнице была строгая дисциплина, как в армии, и больной считался самым нижним чином. Ниже, чем солдат. Что-то вроде солдата на гауптвахте. Ему нельзя ничего* [21, с. 109]; *Она воспринимала Ковалева как лечащего врача, как верховного главнокомандующего и не подозревала о его чувствах* [21, с. 110].

Больница для героини становится своеобразным военным полигоном, где главным врачом ведутся испытания различных способов лечения, чтобы спасти ее жизнь.

Комплексный анализ сравнений не был бы полным без изучения их функционально-стилистических особенностей, которые напрямую зависят от структурных и семантических характеристик. Как утверждают многие исследователи, язык прозы В. Токаревой – живой, динамичный, достаточно богатый на выразительные средства (метафоры, сравнения, парцелляты и т. д.), тяготеющий к достоверности, приземленности и простоте форм. Все это отражается на характере сравнений: они, с одной стороны, объективные, точные, передающие положительную оценку героев с помощью стилистически нейтральной лексики, но с другой – резкие и неожиданные, детерминированные за счет употребления просторечных слов: *Казалось, что это не артист Театра киноактера, а настоящий ханурик, которого задержали на дороге и попросили сняться в кино* [22, с. 137]; *А режиссеры как шлюхи-динамистки: поедят, выпьют, а на роль не приглашают* [21, с. 112]; *Невестка все равно недовольна, сидит, будто репей в заднем месте* [22, с. 127]. Здесь сравнения выполняют функцию понятийного «приземления» или снижения всей компаративной конструкции.

Сравнения В. Токаревой также высокопоэтичны. Это касается прежде всего образных выражений, раскрывающих суть многих жизненных понятий и установок, состояний человека и природы: *И такое состояние тишины и покоя, как будто в небе растворилась и замерла очарованная душа* [22, с. 126]; *Я тоже находилась в своей сентябрьской поре, но ощущала себя, как в апреле* [20, с. 74]. Функции сравнений заключаются в конкретизации мысли автора и представлении его мировоззрения (*В один прекрасный день приходит совершенно посторонний человек, вручает конверт, как будто переводит стрелку на путях* [22, с. 129]; *Я сидела рядом и испытывала устойчивость, как будто держалась за что-то прочное. Как за перила, когда спускаешься по крутой лестнице вниз* [20, с. 72]).

К отличительным особенностям сравнений В. Токаревой можно отнести и то, что в качестве образа достаточно активно используются **собственные** имена известных литературных и сказочных героев (*Иван простер над ней руку, как Медный всадник* [22, с. 14]; *Поезд остановился, как Илья Муромец* [22, с. 136]; *С двух до шести – это было их время. А в шесть Эля должна была вернуться, как Золушка с бала* [22, с. 144]) и реальных людей (*Эта сиротка, судя по фотографиям, была ростом под два метра, волосы коротко стрижены и зачесаны назад, как у Сталина* [22, с. 145]; *На всех фотографиях была изображена черная девушка, как две капли воды похожая на Софи Лорен в ранней молодости* [20, с. 75]). Предметом сравнения выступает не только человек, его внешность, характер или способ действия (*Иван ждал Маришу. Сейчас она появится – остренькая, вьющаяся, вреднющая, как детеныш Кикиморы* [22, с. 146]; *Маруся пролежала в больнице три недели. За это время Ковалев влюбился в нее, как в свою Галатею. Как доктор Хиггинс в свое творение* [21, с. 110]), но и конкретные понятия (*Самолет летел без руля и без ветрил, как Летучий голландец* [22, с. 149]). Большое количество собственных имен в составе сравнений свидетельствует о тяготении автора к интертекстуальности, в частности к употреблению аллюзий с целью создания соответствующей образности и эмоциональности в том или ином контексте, а также для формирования художественного пространства, приближенного к реальности.

Характерной особенностью идиостиля В. Токаревой, выделяющей ее из целого созвездия самобытных представительниц «женской прозы», можно считать

функционирование сравнений в структуре парцелляции [1, с. 85]. Парцелляция привносит в сравнительную конструкцию «значение “расчлененности”»: сравнение относится ко всей базовой части, а не только к словоформе, за которой парцеллят непосредственно следует» и выполняет обобщающую функцию [6, с. 9]. «Отрванные сравнения» – это результат влияния живой разговорной речи, а также способ их логического и стилистического выделения в тексте произведения [26, с. 33]. Такие сравнения используются для выражения внезапности действия, резко проявившихся качеств предмета. Например: *Я хочу, чтобы ты была вся бежевая. Палевая. Лунная. Как сквозь дымку* [20, с. 80]; *Игорь был постоянно угнетен без видимых причин. Будто сглазили человека* [22, с. 148]; *Эля ложилась рядом, утешала, утешала. Слышала, как под руками вздрагивает его хрупкое тельце. Как раненый заяц* [22, с. 138]. В целом, сравнения в прозе В. Токаревой выполняют ряд стилистических функций, подчиненных замыслу автора, и носят индивидуальный характер. Автор демонстрирует свои способности в умении подмечать тонкие детали окружающего мира, при этом рисует простые, узнаваемые образы с помощью различной стилистически окрашенной лексики.

Таким образом, сравнения в рассказах В. Токаревой «Из жизни миллионеров», «Можно и нельзя» и «Хэппи энд» характеризуются структурным разнообразием, семантической многоплановостью и рядом стилистических особенностей, которые позволяют отличать их от сравнений других авторов. Представленное комплексное описание сравнений открывает перспективы их исследования в других произведениях В. Токаревой, а также определения значимости этих компаративных конструкций в ее идиостиле.

Библиографические ссылки

1. **Базовый словарь лингвистических терминов**/ под ред. Л. П. Столяровой, Т. С. Пристайко, Л. П. Попко. – К. : Изд-во Гос. академии руководящих кадров культуры и искусств, 2003. – 192 с.
2. **Батюкова Н. А.** Метаязыковые средства современной публицистической и художественной речи : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н. А. Батюкова. – М., 2009. – 26 с.
3. **Блинова Е. В.** Отфразеологические образования в произведениях В. Токаревой / Е. В. Блинова // Фразеология, познание, культура : сб. докл. 2-й Междунар. науч. конф. : в 2 т. – Белгород : Изд-во БелГУ, 2010. – Т. 2. Дискурсивные и дидактические проблемы фразеологии. – С. 183–186.
4. **Вомперский В. В.** К характеристике стиля М. Ю. Лермонтова : стилистические функции сравнения / В. В. Вомперский // Русский язык в школе. – 1964. – № 5. – С. 25–32.
5. **Ефимов А. И.** Стилистика художественной речи / А. И. Ефимов. – М. : МГУ, 1961. – 519 с.
6. **Зелепукин Р. О.** Парцелляция в художественной прозе В. Токаревой : структура, семантика, текстообразующие функции : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Р. О. Зелепукин. – М., 2007. – 26 с.
7. **Земскова Л. Д.** Зоосемантические конструкции сравнительного характера / Л. Д. Земскова // Рус. яз. в нац. школе. – 1975. – № 5. – С. 73–76.
8. **Калашникова Н. М.** Афористичность как черта идиостиля В. Токаревой : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н. М. Калашникова. – М., 2004. – Режим доступа : <http://www.dissercat.com/content/aforistichnost-kak-cherta-idiostilya-v-tokarevoi>
9. **Коротенко Л. В.** Индивидуально-авторская метафора и контекст (на материале произведений В. Токаревой, Н. Горлановой и Л. Улицкой) / Л. В. Коротенко // Вестник ВГУ. Серия : Филология. Журналистика. – 2009. – № 2. – С. 54–60.
10. **Кудреватых И. П.** Языковая компрессия в идиостиле Виктории Токаревой / И. П. Кудреватых // Взаимодействие и взаимопроникновение языков и культур : состояние и перспективы : матер. Междунар. науч. конф. – Минск, 2008. – 26 с.

11. **Лукоянова Ю. К.** Восприятие времени в русской языковой картине мира (на материале произведений В. Токаревой) / Ю. К. Лукоянова // Русская и сопоставительная филология : Лингвокультурологический аспект. – Казань : Казан. гос. ун-т, 2004. – С. 150–155.
12. **Миронова М. В.** Стилиевая доминанта рассказов Виктории Токаревой / М. В. Миронова // Вестник ТГУ. – Вып. 5 (52). – Серия : Гуманитарные науки. Филология. – 2008. – С. 105–110.
13. **Московкина Р. А.** Сравнительный оборот в функции определений / Р. А. Московкина // Единицы различных уровней в языке и речи. – Ч. 1. – Краснодар : Изд-во Кубанского гос. ун-та, 1972. – С. 109–122.
14. **Некрасова Е. А.** Сравнения / Е. А. Некрасова // Языковые процессы современной русской художественной литературы. – М. : Наука, 1977. – С. 240–294.
15. **Ожегов С. И.** Словарь русского языка : 70000 слов / под ред. Н. Ю. Шведовой. – 23-е изд., испр. / С. И. Ожегов. – М. : Рус. яз., 1991. – 917 с.
16. **Основина Г. А.** Образность сравнений / Г. А. Основина // Русская речь. – 1974. – № 1. – С. 9–14.
17. **Разуваева Л. В.** Лексико-грамматические свойства компаративных конструкций с эксплицитным основанием сравнения в художественном тексте / Л. В. Разуваева // Вестник ВГУ. – Серия : Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2008. – № 3. – С. 114–117.
18. **Разуваева Л. В.** Типы компаративных конструкций в художественном тексте с позиции их восприятия реципиентом / Л. В. Разуваева // Вестник ВГУ. – Серия : Филология. Журналистика. – 2008. – № 2. – С. 102–104.
19. **Словарь современного русского литературного языка** : в 17 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. : гл. ред. В. И. Чернышев. – М. : Изд-во АН СССР, 1955. – Т. 3 Г–Е. – 1340 с.; Т. 4 Ж–З. – 1364 с.; Т. 5 И–К. – 1918 с.
20. **Токарева В.** Из жизни миллионеров [Электрон. версия] // О любви. Сб. рассказов. – М. : Аст, 2007. – С. 68–84.
21. **Токарева В.** Можно и нельзя [Электрон. версия] // О любви. Сб. рассказов. – М. : Аст, 2007. – С. 107–126.
22. **Токарева В.** Хэппи энд [Электрон. версия] // О любви. Сб. рассказов. – М. : Аст, 2007. – С. 126–151.
23. **Томашевский Б. В.** Стилистика / Б. В. Томашевский. – Л. : Наука, 1983. – 288 с.
24. **Туралина Н. А.** Семантика афоризмов в современной женской прозе / Н. А. Туралина // Фразеология, познание, культура : сб. докладов. 2-й Междунар. науч. конф. : в 2 т. – Белгород : Изд-во БелГУ, 2010. – Т. 2. Дискурсивные и дидактические проблемы фразеологии. – С. 300–303.
25. **Уткина Л. В.** О некоторых типах конструкций со сравнительными союзами в современном русском языке / Л. В. Уткина // Труды Ун-та дружбы народов им. Патриса Лумумбы. – Т. 29. – Языкознание. – Вып. 3. – 1968. – С. 149–159.
26. **Ушакова Е. М.** Лингвистический аспект в изучении сравнений / Е. М. Ушакова // Русский язык : Материалы и исследования. – Вып. 1. – Ставрополь, 1967. – С. 5–50.
27. **Философский словарь** / под ред. И. Т. Фролова. – 4-е изд. – М. : Политиздат, 1981. – 445 с.
28. **Широкова Н. А.** Синтаксические функции сравнительного оборота в современном русском языке / Н. А. Широкова // Учен. зап. Казан. ун-та, 1955. – Т. 115. – Кн. 10. – С. 167–168.
29. **Щурова И. В.** Автологические и металогические приемы в прозе Виктории Токаревой / И. В. Щурова // Вестник Челябин. гос. ун-та. – 2010. – № 21(202). – Филология. Искусствоведение. – Вып. 45. – С. 170–175.

Надійшла до редколегії 01.06.11